

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Человек и его ответственность перед будущим
(Об одном тезисе академика И.Т.Фролова)¹

Аннотация. В статье рассматриваются различные перспективы ответственного поведения перед лицом будущего в зависимости от различного его понимания. За исходный пункт проблемы взято положение академика И.Т.Фролова о том, что для создания людей более умных, мы сами должны быть умнее и выше тех, кого хотим создать. Проводится различие между внешним (объективированным) подходом ко времени и его внутренним (субъективистским) восприятием. Оно соотнесено с различным отношением к будущему, одно из которых видит в нем продолжение настоящего, а другое – открытое, ничем не ограниченное пространство для творчества. Рассмотрена нравственная мудрость, нацеливающая на то, чтобы жить так, как если бы каждый день был последним, и мысль Толстого о том, что людям не дано знать будущее. Показано, что идеализированное отношение к будущему реализуется в моральной установке, согласно которой зло не может быть аргументировано и обосновано благом будущего.

Ключевые слова: будущее, время, идеал, прогресс, мораль, Толстой Л.Н., Фролов И.Т.

Великий физик XIX века Герман Гельмгольц, создавший науку физиологической оптики и сконструировавший офтальмоскоп, сказал о человеческом глазе, что если бы кто-нибудь предложил оптический аппарат с такими же дефектами, то его несомненно следовало бы отвергнуть. Это высказывание неслучайно стало крылатым: оно выразило убеждение всей новоевропейской цивилизации, согласно которому, благодаря силе знаний и технологической мощи, можно усовершенствовать природу и подчинить ее человеческим целям. Вера во всемогущество научно-технического прогресса, которая неуклонно подтверждалась невероятными успехами во всех областях жизни, достигла к настоящему времени качественно нового уровня – она дошла до практических намерений и усилий, направленных на изменение самой природы, в частности, природы человека. Речь идет уже не только о том, чтобы познать законы природы и опираться на них в своей практической деятельности, но и задать самой природе другие законы, чтобы, выражаясь фигурально, прийти до замысла самог

---

¹ Выступление на XX Фроловских чтениях в Институте философии РАН (ноябрь, 2020 г.).

творения, до первичных скрытых механизмов человеческого существования². Идеал, который заключался в том, чтобы осуществлять свои желания и действовать со знанием дела, трансформируется в некое новое состояние, когда мы заранее кодируем те знания, которые желали бы иметь. Тем самым принципиально меняется соотношение между идеалом и реальностью, когда не идеал определяется (ограничивается, сдерживается, стимулируется и т.д.) реальностью, зависит от неё, а сама первичная реальность зависит от идеала (его разумности, добротности, красоты). Соответственно меняется соотношение морального, целевого и познавательного, технического аспектов человеческой деятельности.

Выражая эту принципиально новую ситуацию в развитии общества, предвидя не только заложенные в ней огромные возможности, но и сопряженные с ней колоссальные опасности, академик И.Т.Фролов сформулировал тезис: «Чтобы создать человека более умного чем мы, мы уже должны быть умнее, чем тот, кого мы хотим создать, в том числе – обладать более высокой моралью» [6, 21]. Это по-философски объемное и парадоксальное утверждение нуждается во всестороннем осмыслении. Не претендуя на такую всесторонность, мне бы в рамках данного размышления хотелось подчеркнуть следующее: в нем перспективы нового этапа научно-технологического развития находятся в полном соответствии с направляющим их моральным идеалом общества. По сути дела, речь идет о двояком взгляде на будущее, которое связано с различием между объективным временем и его субъективным человеческим освоением.

---

² Вот как говорит об этом академик В. А. Лекторский: «Сегодня есть немало людей (в том числе вполне серьезных, включая ученых и философов), считающих, что идея бессмертия может быть реализована с помощью информационных технологий на базе искусственного интеллекта. В настоящее время есть два варианта реализации идеи бессмертия: 1) нанороботы будут постоянно “чинить” человеческий организм; 2) некий аппарат каждый раз будет снимать информационную копию с поступков конкретного человека, с его переживаний, мыслей, записывать все, что с ним творилось на протяжении жизни. А потом все это перенесут на другой носитель — биологический, а лучше всего цифровой, то есть психическая жизнь конкретного человека сохранится, но он будет жить уже не в своем теле, а в другом, и это тело может вечно существовать, так как его можно будет постоянно “чинить”. Но это будет уже постчеловек. Смысл жизни человечества, считают некоторые ученые и философы, — создать постчеловека. В связи с этим развивается идея о возможности управлять процессом эволюции. Этот процесс перестанет быть естественным, станет искусственным. Человек с помощью NBIC-технологий сам будет создавать то, что природа не могла создать, или сможет повторить природу» [4, 159-160].

В первом случае время фиксируется как хронология и описывается через последовательность событий в мире, при этом сами события воспринимаются только как внешние опорные точки для абстрагирования времени, а сами по себе в их материальном (эмпирическом) содержании в расчет не принимаются. В этом аспекте объективного (физического) времени будущее есть то, что будет происходить после того времени, от которого ведется отсчет и которое считается настоящим; соответственно прошлым является то, что происходило до этого времени. Здесь будущее отделено от прошлого границей настоящего, само же настоящее есть не что иное, как эта граница. Настоящее выступает как исчезающий миг, условная точка, предназначенная только для того, чтобы отделить прошлое от будущего.

Во втором случае речь идет о внутреннем отношении к собственной жизни как событию во времени, растянувшемуся на всю глубину, которую способен уместить его разум. Субъективное время является содержательным, оно сфокусировано на реальной жизни во времени. Здесь будущее — не только то, что происходит после, как и прошлое не то, что было до того времени, которое отделяет «до» от «после», именуясь «настоящим». Здесь эти категории содержательны и варьируются в зависимости от реальной жизни социальных субъектов (отдельных людей или их организованно действующих объединений). Субъект «совершает свои действия так, как будто время не уходит в прошлое и не приходит из будущего, — как будто время есть нечто застывшее» [3, 464]. В социальном будущем (как, впрочем, и в социальном прошлом) решающим является то, что оно благодаря сознанию субъекта включено в его реальную жизнь, становится его настоящим.

Наши привычные представления о человеческой жизни, когда ее события располагаются на шкале времени (и одни из них относятся к прошлому, другие — к будущему, третьи — к настоящему), являются результатом объективированного подхода ко времени, условного взгляда на него со стороны. Но если посмотреть на это изнутри (если бы сам субъект воспринимал время своей жизни), то трехзвенная шкала исчезает и остается одна сплошная линия настоящего. Например, если взять взрослого человека, то в рамках объективированного взгляда его детство считается прошлым, его старость — будущим, а взрослость — настоящим. Иное дело — внутреннее восприятие жизни самим взрослым человеком: он непосредственно заключает в себе свое детство в своих привычках и воспоминаниях, и он же несет в себе свою старость внутренней тревогой, страхами и заботами. И детство, и старость являются его настоящим, реальными

моментами его текущей жизни. Так же обстоит дело и в социуме, объективированная хронология которого не совпадает с его субъективным хронотопом. Например, Александр Невский, хронологически живший в XIII в., в общественном сознании современной России остается вполне актуальной фигурой, более актуальной, чем некоторые современники. Иначе, как бы он – в результате проведенного некоторое время назад опроса – стал символическим лицом России. Словом, настоящее растянуто на всю конкретную длительность духовной жизни того или иного субъекта, втягивая в себя все формирующие ее события: те, что случились раньше, и те, что с высокой вероятностью произойдут позже. Что касается прошлого и будущего как объективированных аспектов времени, которые располагаются по разные стороны настоящего и в одном случае (прошлое) уже не существуют, в другом (будущее) – еще не существуют, то они остаются для него территориями неизвестными – подлинными выходами в бесконечность длительности. Действительного прошлого, которое осталось позади, не став настоящим (не трансформировалось в память), мы не знаем, оно подлежит открытию, реконструкции. Тем более мы не знаем будущего, оно как реальность вообще не существует и его еще подлежит создать.

О будущем в рамках человеческого социального опыта можно говорить в двух существенно различных смыслах.

Во-первых, – как обозримой пролонгации времени жизни самого субъекта, получающей выражение в его целях, планах, проектах, стратегических расчетах. В таком понимании будущее входит в настоящее в качестве его предела – предела вполне возможного, обозримого, просчитываемого, деятельно осваиваемого. Оно и поддается освоению в пределах научно-рационального мышления. Здесь будущее понимается как область более или менее реально возможного.

Во-вторых, будущее как выход субъекта за свои эмпирически ограниченные рамки, как преодоление (отрицание) настоящего в некоем мысленно постулированном совершенном состоянии. Оно получает выражение и реализуется в форме идеала. В такой оптике будущее оказывается резервуаром для неограниченного творчества, как если бы река времени несла нас навстречу вечности.

Отношение человека к своему существованию как бытию во времени — важная веха в его историческом самосознании. При этом ориентированность в социальном времени может иметь разную (в том числе крайне низкую, почти отсутствующую в примитивных обществах) степень выраженности и разную направленность. Вектор целенаправленных общественных усилий не всегда и необязательно

обращен в будущее; можно сослаться на древние представления об оставшемся позади «золотом веке», на консервативный традиционализм общественной жизни. Лингвистами даже зафиксирован один древний язык (индейский язык аймара), в котором будущее описывается как то, что сзади индивида, а прошлое – то, что впереди, что выражается и в жестах: «Аймара при разговоре о будущем указывают пальцами назад, а при разговоре о прошлом – вперед» [2, 313].³

Направленность общественного сознания и практики на будущее — это особый случай, характерный для современной, в частности и в особенности, европейской цивилизации Нового времени, которая возникает и развивается под знаком прогресса. Здесь «после» и «лучше» сливаются воедино. В контексте прогрессивно ориентированного динамизма общественной жизни более выпукло обнажилось двойное понимание будущего: одно из которых видит в будущем продолжение настоящего, а другое – возможность творчества нового. Это воплотилось в разных мировоззренческих платформах по отношению к капитализму как универсальной экономической формации. Речь шла о том, является ли капитализм последним словом истории, неисчерпаемо способным к эволюции на собственной основе. Или он неприемлем именно в своих основаниях и подлежит преодолению (в той или иной форме), ибо подлинное, достойное человека идеальное будущее лежит за ним.

Идеальное будущее имело, как правило, характер утопических проектов. Их в самом общем виде можно разделить на религиозные, философские, социально-исторические. Типичными формами таких проектов в первом случае являются представления о последнем суде и потусторонней райской жизни, во втором – различные завершённые царства мысли, в третьем – коммунистические образы общественной жизни. Название самого раннего из коммунистических проектов Нового времени – «Утопия» Томаса Мора – стало понятием, характеризующим идеальное социальное будущее. Поскольку человеческий индивид в качестве разумного существа обладает свободой, в какой бы мере он ею ни обладал, но именно в той конкретной, которой ею обладает, он руководствуется в поведении принципом, считающим для себя наилучшим, абсолютным – он возводит идеал в долг. Именно это и есть то, что делает мораль: она возводит идеал в долг, в закон жизни. Возвести идеал в долг означает развернуть свое существование в сторону идеального будущего – не того

---

³ Здесь, как замечает автор, возможно сказались культурные соображения, согласно которым будущее неизвестно и подкрадывается незаметно сзади.

будущего, которое является расширением и продолжением настоящего (одним из этапов на длинном бесконечном пути), а таким будущим, которое представляет собой нечто законченное, завершённое, уже не нуждающееся ни в каком будущем. Можно сказать так: моральный взгляд на будущее выражается в том, что на него надо смотреть как на настоящее, – если бы оно являлось целью самого живого действующего индивида.

Существует нравственная мудрость, которая повторяется многократно и в разных духовных традициях: человек должен проживать каждый день так, как если бы это был последний день своей жизни, и он должен совершать каждый свой поступок так, как если бы он был последним поступком жизни. Эта мудрость, в частности, то и означает, что надо жить без оглядки на будущее, что ценность нравственного поступка и его награда заключаются в нём самом. И в этом смысле нравственный поступок является абсолютным. Нравственность дружит с вечностью, она выражает то начало в человеке, благодаря которому он осознаёт свое существование не как временное бытие, а как бытие времени. Сенеке принадлежит высказывание, что ничто не принадлежит нам, одно только время наше. Отсюда – ценность и абсолютность каждого мгновения. Кто ценит мгновение, только тот распоряжается своим, тем, что единственно принадлежит ему самому: ведь прошлого уже нет, будущего ещё нет, а есть только мгновение поступка. Жить так, словно твой день, твой поступок являются последними, и жить так, словно ты хочешь жить вечно, – в философском смысле значит одно и то же. Логическую обоснованность такого вывода описал ещё Аристотель: «Что время или вообще не существует, или едва[существующее], будучи чем-то неясным, можно предположить на основе следующего. Одна его часть была, и её уже нет, другая – будет, и её ещё нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию»[1, 145]. Отсюда следует, что мгновение текущей жизни (то, что моралисты именуют последним поступком), аристотелевское «теперь», граница (соединительное звено) обеих частей времени, можно осмыслить как само время в его целостности. Чему если что-то вообще соответствует в жизни субъекта, то это только абсолютность или (что одно и то же) единственность того, что он в данное мгновение делает.

Совсем неслучайно именно философы, которые сводили нравственность к индивидуально ответственной жизненной позиции, выступали против того, чтобы апеллировать к будущему, взывать к нему, возводить в этический аргумент. В этом отношении показательна

позиция Л.Н. Толстого. В статье «О значении русской революции» он, подвергнув сомнению саму возможность знания будущего, пишет: «Мало того, что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества; людям бывает нехорошо от того, что они думают, что могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как именно это мнимое знание о том, какой должна быть будущая жизнь людей» [5, 352-353]. Знание о будущем тем извращает жизнь, что смещает нравственную энергию личности на внешние причины вместо того, чтобы сосредоточиться на собственной доброй воле. Кроме того, оно – это мнимое знание о будущем, которое никогда, по самому определению, не может быть знанием в точном смысле слова, эта апелляция к будущему как к аргументы и оправданию своих действий, – по мнению Толстого, по совершенно справедливому и обоснованному его мнению, является одним из самых коварных и лживых аргументов, коррумпирующих нравственные и интеллектуальные принципы, оправдывающих такие его действия, которые сами по себе ни нравственно, ни логически оправданы быть не могут.

Таким образом, тезис академика Фролова, – согласно которому опыты по совершенствованию природы человека, созданию более умных людей предполагают, чтобы те люди (ученые прежде всего), которые ставят перед собой такие задачи, сами в моральном отношении были выше и лучше тех, кого они в результате этих опытов хотят создать, – в одном из своих прочтений может быть истолкован следующим образом: зло не может быть аргументировано и оправдано будущим благом.

Список литературы

1. *Аристотель*. Физика //Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.3. М.: Мысль, 1983.
2. *Бородай С.Ю.* Язык и познание. Введение в пострелятивизм. М.: «Садра», «ЯСК», 2020.
3. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006.
4. *Лекторский В.А.* Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. — СПб.: СПбГУП, 2019.
5. *Толстой Л.Н.* О значении русской революции // Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в 90 томах. М.: Гослитиздат, 1953.
6. *Фролов И.Т.* Человек будущего: идеал и реальность // Раздумья о будущем. М.: Политиздат, 1987.

